

Людмила Сидорова

**ПУШКИН – ТАЙНАЯ
ЛЮБОВЬ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
С34

Рисунки А.С. Пушкина публикуются по согласованию
с Пушкинским Домом (ИРЛИ РАН)

Сидорова, Людмила.

С34 Пушкин — Тайная любовь / Людмила Сидорова. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-17-095972-3.

Яркая, насыщенная важными событиями жизнь из интимных переживаний собственной души великого гения дала большой материал для интересного и увлекательного повествования. Нового о Пушкине и его ближайшем окружении в этой книге — на добрую дюжину диссертаций. А главное — она актуализирует недооцененное учеными направление поисков, продвигает новую методику изучения жизни и творчества поэта. Читатель узнает тайны истории единственной многолетней, непреходящей, настоящей любви поэта. Особый интерес представляет разгадка графических сюжетов с «пейзажами», «натюр-мортами», «маринами», «иллюстрациями».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-095972-3.

© Сидорова Л., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Введение

Перед вами — история единственной многолетней, непреходящей, настоящей любви поэта Александра Сергеевича Пушкина. К кому? А, как это ни парадоксально, к одной из его самых первых, лицейских еще пассий — сестре его одноклассника и тезки Екатерине Павловне Бакуниной (9 февраля 1795 — 7 декабря 1869). Не ожидали такого от известного своей ветреностью гения? Я бы тоже не поверила в его сколь-нибудь длительную преданность своей первой любви, если бы не убедилась воочию, что именно о ней во множестве своих рукописных листов он старается рассказать нам, своим умным и догадливым потомкам.

Наверное, в награду за то, что уже без малого два столетия бережно сохраняем его черновики. Порой даже с ревностью не по разуму: стремясь утаить не только от общественного любопытства, но и от науки его автобиографику — дневники с записями интимного характера, «напечатанные» карандашом в междустроочье стихов и вписанные пером в линии графических сюит. Да-да, я — о том самом «пропавшем» дневнике, который российские пушкинисты уже столько десятилетий упорно и, естественно, безрезультатно ищут по всему миру.

Тщета этих поисков сделалась особенно убедительной после выхода в свет в 1995 — 1997 годах усилиями коллектива ученых Пушкинского Дома восьмитомника «Рабочих тетрадей А.С. Пушкина», в 1999 году — «Альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой» и в 2013-м — трехтомника пушкинских «Болдинских рукописей 1830 года». Для тех, кто ко времени раскрытия этих первоисточников успел прикоснуться к пушкинским тайнам чисто интуитивно, стало очевидным, что почти все творчество великого поэта обусловлено по сути лишь двумя-тремя его замалчиваемыми по этическим, вероятно, соображениям трагическими любовными историями. А наука в целом все еще продолжает объяснять его себе отношения Александра Сергеевича с десятистепенной важности для него женщинами, которые в свое время догадались оставить о себе любимых потомкам в связи с ним строчку в дневнике, письмо подруге или светский альбом с его дежурным мадригалом.

Отношения Пушкина с Екатериной Павловной Бакуниной не являются одной из вышеупомянутых трагических историй. Но их нельзя назвать и случайным эпизодом. Для этой девушки в сердце поэта во всю его жизнь сохранялся отдельный, только ей предназначенный уголок. Мысли о ней присутствуют во многих его про-

изведениях, образ ее возникает в его графических сюитах самых разных лет. Дело за «малым» — разглядеть, прочесть его тайну.

Даже сличение нарисованных Пушкиным профилей с написанными профессиональными художниками портретами их предполагаемых прототипов — занятие непростое, связанное с обладанием достаточными знаниями о самом поэте и людях из его круга общения, о его творчестве и исторической эпохе. Еще сложнее разгадывать пушкинские графические сюиты с «пейзажами», «натюрмортами», «маринами», «иллюстрациями»... Потому что на самом деле в его графике... никаких художественных жанров нет. А все, что иные ученые пытаются систематизировать, — лишь метафоры, символы того, что он интегрирует, трансформируя порой почти до неузнаваемости, в свое творчество из событий своей реальной жизни, из интимных переживаний собственной души.

Другую немаловажную для нас трудность отметил еще на юбилейной парижской выставке графики поэта 1937 года художник Мстислав Добужинский: «Рисунки Пушкина тесно связаны не только с его биографией, но и со множеством явлений в пушкинской современности: одной из самых интересных задач будет выяснение художественных влияний — непосредственных, косвенных и «подпочвенных», которые в той или иной мере могли действовать на Пушкина-художника»¹. А в речи при закрытии этой выставки Мстислав Валерьянович еще и многозначительно присовокупил, что в графике Пушкине видит товарища того же братства, в котором состоит сам.

Наивно, конечно, полагать, что имел он в виду содружество профессиональных художников. Братство это — масонское иллюминатское общество, в котором занимались особого рода рисованием — изобретали и широко использовали различного рода шифровки. Кодирование информации в словах и рисунках в пушкинское время, когда светские люди обожали игры, шарады и ребусы, маскарады и живые картины, эпиграммы и карикатуры, вообще было в большой моде. В разной мере владели искусством шифрования, даже не будучи масонами, многие современники поэта. В том числе — близкие его

¹ Даманская А. Вырезка из парижской газеты от апреля 1937 года. // Материалы художника Добужинского в Бахметьевском архиве. Цитирую эту вырезку по главе «История изучения пушкинских рисунков» книги С.В. Денисенко и С.А. Фомичева «Пушкин рисует. Графика Пушкина» — «Нотабене», СПб, 2001, с. 239.

друзья Жуковский, Батюшков, Кюхельбекер, Дельвиг... Хотя в мастерстве рисования им, конечно, за Пушкиным не угнаться. Тот совершенствовался в этом искусстве — тренировал глаз и руку — так же упорно, как и в стрельбе из пистолета.

По графике Пушкина хорошо видно, что не только для своих поэм с политической подоплекой усвоил он с юности известное правило: надежнее всего информацию спрятать — это ее «выпятить», как говорится, положить на самом видном месте. И образы своих сюит он прямо РИСУЕТ БУКВАМИ! Печатными и скорописными. Крупными и мелкими. Ясными и затененными. Четкими и едва выглядывающими бочком из черноты. Но в совокупности своей непременно образующими какую-то линию — НЕПРЕРЫВНУЮ ЦЕПОЧКУ слова или фразы.

Поэтому пушкинскую графику надо читать. Тем более что в манере графического шифрования записей своего интимного дневника поэт не оригинален. Он строго, принципиально придерживается общепринятых символики и правил, потому что рассчитывает в конечном итоге быть понятым. Вначале — знающими многие подробности его личной жизни друзьями, которые, как он, вероятно, полагал, будут призваны изучать его архив после его смерти. А через них — и прочими современниками.

Для нас, сегодняшних, конечно, непривычен, сложноват сам по себе символический язык графики Пушкина, понуждающий обращаться ко многим источникам, развивать догадливость, порой даже проявлять смекалку. Однако ключ практически от всех его кодов — его творчество, в котором нет ни единого лишнего, не вписывающегося в общую литературную концепцию его жизни образа, ни единого праздного слова. В графике в этот круг приходится включать и пресловутую ненормативную лексику поэта.

Остающаяся в конечном итоге в его черновиках, она и там просто информативна — суха, эмоционально бесцветна. К примеру, рядом с именем любимой женщины и датой Пушкин лаконичным глаголом в три или четыре буквы — «е...ъ» или «у...ъ» — всего лишь констатирует факт интимных отношений с ней. Или отсутствие таковых: «не е...ъ ея». И, добросовестно занимаясь изучением его жизни и творчества, эту ненормативность не обойти стороной. Потому что лишь к ней легко и, главное, оправданно, расставляясь по своим законным местам, «прилаживается» все то, чем давно уже интуитивно оперирует пушкинистика — мемуары, письма, дневники, разговоры людей из окружения поэта...

Глава 1

ВМЕСТО ЕКАТЕРИНЫ — «СЕВЕРИНЪ»?

Из собранного многими поколениями пушкинистов разнообразного биографического материала явствует, что недолюбленный в семье ребенок Пушкин рано созрел для взрослых отношений — словно стремился компенсировать ими ущербность своего детства. Ответного глубокого чувства к родителям у него не было, хотя потребность в любви к ним в нем была достаточно велика. Как отмечает более или менее наблюдательная женщина Анна Керн, до вступления в Лицей у него были только две пронесенные потом через всю жизнь привязанности. К суррогату своей биологической матери — престарелой «мамушке» Арине Родионовне и к сестре Ольге¹. Он был оторван от них в 11-летнем возрасте, и как только получил возможность выходить из стен своего сугубо мужского учебного заведения, стал бессознательно стараться найти им замену.

Свою идеальную мать он увидел и полюбил в этом качестве в образе Екатерины Андреевны, супруги проводившего лето за работой в Царском Селе писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Возможно, с нарочитой дезинформации самого Пушкина ничего не знающая об его отношениях с царскосельскими девушками Анна Керн даже утверждала, что Екатерина Андреевна и была его самой первой любовью. Чем писатель Юрий Николаевич Тынянов и поспешил воспользоваться для раздутия целой нереальной истории о возрастной «утаенной» страсти юного поэта.

Свидетельство тому, что Пушкин просто «уматерил» себе Екатерину Андреевну, оставила внимательная и прозорливая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг. Тронутая тем, что именно супругу Карамзина Пушкин спросил первой после своего смертельного ранения на дуэли, она 17 марта 1837 года писала их с поэтом общему приятелю В.Г. Теплякову: «Екатерина Ан-

¹ Сысоев Владимир. Анна Керн. Жизнь во имя любви. — М., «Молодая гвардия», 2010, с. 23.

древна (жена историка) — предмет первой и благородной привязанности Пушкина»¹.

Примерно то же самое о нем утверждала и другая умная женщина, Александра Осиповна Смирнова-Россет: «Я наблюдала за его обращением с г-жой Карамзиной: это не только простая почтительность по отношению к женщине уже старой, это нечто более ласковое. Он чрезвычайно дружески почтителен с княгиней Вяземской, m-me Хитрово, но его обращение с Карамзиной совсем не то»². Значит, это почти родственное, сыновнее. По возрасту Екатерина Андреевна Пушкину в матери подходила вполне — была старше него на 19 лет. Очевидно, что таким его, лишённого любви собственной биологической матери, отношение к Карамзиной и было всегда. И сама она воспринимала юношу Пушкина наподобие своего приемного сына. Благо, ей было не привыкать воспитывать чужих детей — при ней достаточно благополучно росла падчерица Соня, дочь Н.М. Карамзина от его первого брака.

Вероятно, по образцу Екатерины Андреевны Карамзиной Пушкин в пору, когда у него «любовь младую взволновала кровь», представлял себе и собственную будущую идеальную супругу — не только любовницу, но и сестру, подругу, в определенном смысле соратницу. Красавицу, но не кокетку. Общительную, но не с распахнутой настезь душой. Заботливую, но не назойливую. Хозяйку дома и мать его детей, но с творческими задатками и пониманием особенностей его труда. Ему нужна была женщина, способная обеспечить ему душевный покой, надежный тыл, условия для работы. И он уже в самом раннем своем юношестве заметил соответствующую его жизненным интересам девушку — красивую, умную и талантливую старшую сестру своего одноклассника Александра Бакунина. Дух захватывало уже одно то, что у барышни, которую он на исходе детства намеревался «усестрить», а в юношестве — «уневестить», даже имя было такое же, как у его идеальной матери Карамзиной: Екатерина...

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Сочинения в 4 томах. — М., «Правда», 1990, т. 2, с. 83.

² Смирнова-Россет А.О. Записки с 1825 по 1845 год. — М., «Захаров», 2003, с. 331.

Эти мои записки — своеобразное дополнение к работе о Екатерине Бакуниной известного тверского краеведа Владимира Сысоева «Поэта первая любовь. Екатерина Павловна Бакунина»¹. Не припомню иного более полного свода сведений об этой во многих отношениях интересной женщине. Не расстраивайтесь, впрочем, если вам не удалось подержать в руках эту книгу, изданную в Твери в 2006 году Бакунинским фондом тиражом всего в тысячу экземпляров. «Отталкиваясь» от нее, мне с неизбежностью придется цитировать для вас самое важное из ее основных разделов.

В целом не повторяя известное, я расскажу вам много нового, неожиданного. Потому что Екатерина Бакунина в жизни Пушкина значила гораздо больше и в творчестве его отразилась гораздо ярче, чем, к моему великому сожалению, покойный ныне Владимир Иванович Сысоев успел это в своей книге показать. По прошествии времени ряд моментов его труда требует более детального объяснения, дополнения, уточнения, а иногда — исправления. Словом, и читателям книги В.И. Сысоева, и поклонникам творчества Пушкина, и всем интересующимся русской литературой предлагаю попробовать вместе со мной взглянуть на Екатерину Бакунину глазами не только отстраненного исследователя, а и самого влюбленного в нее человека и поэта Александра Пушкина. А попутно — научиться читать и глубже понимать не только литературные, но и графические шедевры поэта по его непреложным правилам рисования, которые стану для вас выносить на поля своей книги. Договорились? Тогда начнем.

С чего? А прямо с портрета нашей героини. Могло ли стать, чтобы талантливый график Пушкин не запечатлел в своих рукописях облика той, в которую был влюблен на протяжении не одного даже года? Владимир Сысоев тоже считал, что не могло. Искал и, как ему показалось, нашел профиль пушкинской юношеской любви, который и приводит в своей книге без ссылки на иного «первооткрывателя»².

Признаться, в этом выборе трудно не только усмотреть сходство с прижизненными портретами Екатерины, но даже понять логику исследовательского поиска Владимира Ивано-

¹ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь. Екатерина Павловна Бакунина. — Тверь, ЗАО СДЦ «Престо», 2006.

² Сысоев Владимир. Там же, с. 23.

вича. Профилем Бакуниной он считает крайний левый во втором ряду скиуты черногового наброска статьи «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...», найденного в бумагах поэта за 1824 год. Почему — не объясняет. Женских профилей в этой скиуте вообще только три. И показавшийся знакомым Владимиру Сысоеву вовсе не один из них.

ПД 834, л.3¹

«Кошачья» ласковость, лстивость, игривость улыбки при достаточно жестком, оценивающем взгляде глаз под сросшимися на переносице бровями и тяжеловатом «немецком» подбородке этого профиля — вовсе не открытость и милость, доброжелательность ко всем окружающим людям, которыми светится лицо молодой смотрящей на мир глазами художницы девушки Екатерины Бакуниной.

Пушкин начинает свой набросок о ходе российского литературного процесса в 1824 году — во время пребывания если

¹ Здесь и далее рисунки А.С. Пушкина и их фрагменты приводятся по вышеупомянутым факсимильным изданиям: «Рабочие тетради А.С. Пушкина». Т. I-VIII. — СПб — Лондон, 1995; «Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой». — СПб, «Logos», 1999; «А.С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года». Т. I-III. — СПб, «Альфарет», 2013.

не в Одессе, то в Михайловском. Но пририсовывает к наброску графическую сюиту, судя по разному цвету чернил, этапами и гораздо позднее, уже после восстания декабристов. Ибо в ней крупно присутствует граф Мирабо, обличитель абсолютизма в период Великой французской революции. Под ним подразумевается трусливо бежавший за границу к изображенному с ним теперь плечом к плечу родному старшему брату-дипломату Сергею «декабристский» приятель автора рисунка Николай Иванович Тургенев. Лацкан дипломатического фрака Сергея Ивановича и вырезан в форме **буквы «С»**. Стоит, кстати, запомнить этот один из главнейших принципов пушкинской методики графического шифрования.

ПРАВИЛО №1: Пушкин «маскирует» буквы по одной и слитно в утолщениях линий профилей и «вырезает» их в деталях одежд своих персонажей. Так, инициалы персонажей-мужчин он всегда «вырезает» в лацканах их фраков, воротниках сюртуков и кружевах сорочек.

Идет следствие по делу декабристов, и Пушкин прямым изображением опасается выдать Николая Ивановича, доказывающего властям свою непричастность к заговору. Из соображений секретности Александр Сергеевич изображает Тургенева к тому же одним Мирабо, тогда как по данному им самим Николаю прозвищу — Два Мирабо — требовалось бы рисовать сразу обоих, графа Оноре и его отца — экономиста-меркантилиста маркиза Виктора Мирабо. Одинарные, просто двойные и даже двойные «валетные» обозначения Тургенева в виде Мирабо в рисунках Пушкина встречаются много раз.

Изображенный в шляпе-треуголке с поникшим пером плюмажа персонаж с наполеоновским профилем — стратег и тактик восстания декабристов на Украине Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Да, он — далекая родня нашей Екатерине Бакуниной через жену ее двоюродного дяди, но присутствует здесь вовсе не по этой причине. С Тургеневым и Муравьевым-Апостолом Пушкин водил дружбу в свои доссылочные петербургские годы. На шеях у обоих опознанных нами персонажей есть наведенная пушкинским пером чернота: автор рисунков, лично оценивающий готовность своих знакомцев

к революционным «подвигам», уже как будто метит места для будущей палаческой веревки.

Если бы он рисовал эту сюиту после казни декабристов, то должен был бы оставить намек на такую же петлю и у шеи верного соратника Муравьева-Апостола — Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. Последний — гораздо младше своего шефа возрастом, поэтому его горбоносый профиль заметно крупнее муравьевского.

ПРАВИЛО №2: как отмечает Л.А. Краваль, в пушкинских рисунках всегда более крупны по отношению к родителям — их родные и приемные дети, воспитанники, а по отношению к своим старшим братьям и сестрам — младшие дети (к старшим по статусу в ложе братьям-масонам — младшие братья). По разнице в размерах профилей старших и младших можно достаточно точно определить возраст каждой из категорий.¹

Бестужев-Рюмин связан с Муравьевым-Апостолом, что называется, «одной веревочкой», которая с первого взгляда на этом рисунке и обнаруживается. Это — дружба, преданность, даже почитание младшим по возрасту Бестужевым своего высокообразованного и высоконравственного старшего товарища. При более внимательном рассмотрении рисунка эта веревочка оказывается частью контура напяленного на голову Бестужева масонского революционного красного колпака с кисточкой, свидетельствующего о по-юношески максималистских, прямо экстремистских устремлениях его обладателя.

Чернит Пушкин на профиле Бестужева только нос. Значит, порицает пагубное любопытство юноши, который искренне, от

¹ Не умаляя заслуг в изучении пушкинской графики «первопроходцев» Т.Г. Цявловской, А.М. Эфроса, И.С. Зильберштейна и других, замечу, что принципы рисования поэта в систему начала выводить в своей книге «Рисунки Пушкина как графический дневник» (М, «Наследие», 1997) саратовская пушкинистка Любовь Алексеевна Краваль. Некоторые правила заимствованы мною в этом ее исследовании. Оно оказалось весьма полезным дополнением к книге Г.А. Невелева «Истина сильнее царя...» (М., 1985), каталогу атрибуций Р.Г. Жуйковой «Портретные рисунки Пушкина» (СПб., 1996), работам по графике Пушкина С.В. Денисенко и С.А. Фомичева...

всей своей неопытной души «повелся» на декабристскую пропаганду по принципу русской поговорки о любопытной Варваре: за то же самое ей, как известно, на базаре нос оторвали.

ПРАВИЛО №3: рисунки Пушкина зачастую метафоричны: их персонажи действуют или находятся в состоянии, положении персонажей соответствующих поговорок или поговорок, известных литературных героев, исторических или политических деятелей.

Профиль реально замаранного участием в восстании 14 декабря 1825 года «сумасшедшего» Вильгельма Кюхельбекера («Кюхли», как записано в линиях его прически) Пушкин вообще не просто приштрыхивает инициалом имени этого персонажа — огромной буквой «В», а как бы зачеркивает: не считает этого своего друга реально способным на что-либо серьезное. Он хорошо знает, что тот мог отправиться на Сенатскую площадь и просто, что называется, из тщеславия или за компанию — из одних благородства своей натуры, верности дружбе и товариществу.

ПРАВИЛО №4: Пушкин всегда примарывает штриховкой или просто размазанными чернилами профили персонажей, запятнавших себя участием в антигосударственных выступлениях, а также отметившихся неприличными, непорядочными поступками по отношению к нему самому. Подставивших. Обманувших. То есть замаравших в его глазах собственную репутацию. Если он приштрыхивает изображение собственное, то понимает, что выглядит замаранным (к примеру, связью с декабристами) в глазах кого-то из важных для него людей.

Несмотря на наличие в сюите трех женских профилей, в ней нет мысли о любви в первом приходящем в голову смысле этого слова. «Заплаканный» возрастной женский профиль в верхнем левом углу сюиты — поистине левая, либе-

ПРАВИЛО №5: полные имена-фамилии персонажей-мужчин Пушкин обычно записывает печатными буквами или скорописью в линиях волос на их головах, а также в бородах и бакенбардах.

ральная по взглядам Екатерина Федоровна Муравьева, мать и тетка многочисленных братьев Муравьевых и Муравьевых-Апостолов, а также Михаила Лунина. Ее дом в Петербурге многие годы был штабом занимающихся пропагандистской деятельностью продекабристских организаций.

Два профиля вверху справа — в своем положении совершенно правые в стремлении если не спасти, то хоть как-то облегчить участь своих вскоре угодящих под царские репрессии родных и близких. Это — родная сестра Муравьева-Апостола Екатерина Ивановна Бибикова с таким же, как у ее брата, наполеоновским профилем. А также вскоре последующая за мужем на каторгу жена Никиты Михайловича Муравьева Александра Григорьевна, кстати, четвероюродная сестра самого Пушкина, с которой он перешлет всем сибирским сидельцам и своему лицейскому товарищу Пушину в частности послания «Во глубине сибирских руд...» и «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

ПРАВИЛО №6: персонажи, располагающиеся в пушкинских сюитах слева — неправые по жизни, а в общественном смысле — либерально настроенные люди (чем радикальнее их либеральность — тем выше их изображение в сюите или на листе). Изображаемые на листе справа — по пушкинскому ощущению правые, поступающие правильно, справедливо по отношению к нему, самим себе и окружающим.

Эта сюита — личная оценка поэтом задумываемого его былыми приятелями. Как бы его впечатление, воспоминание о виденных им людях и событиях и слышанных в продекабристских бессарабских и одесских кругах разговорах, приведших к последствиям 1825 года. То есть, по сути, лишь указание на их время — до 1825 года. А точнее — в 1823 году, на что в сюи-

те указывает собственно пушкинская деталь — факт его крупной одесской сентябрьской ссоры с еще одним его давним приятелем, начальником 1-го стола 4-го отделения воронцовского ведомства титулярным советником Дмитрием Петровичем Севериным (1792—1865). Отдаленным следствием ее стало то, что поэт в конечном итоге из Одессы попал в Михайловское, а не на революционную Сенатскую площадь.

ПРАВИЛО №7: пушкинские сюиты всегда долговременны, как бы сериально сюжетны; время в них идет по часовой стрелке — слева направо. Если это воспоминания, то время в них, естественно, «пятится», движется в обратную сторону.

Сюиту и открывает изображенный под всевидящим оком начальника Пушкина с Севериным, российского министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде, профиль императорского доносчика Северина. Его «бледное», узкобровое, как-то по-девичьи, слишком уж миловидное лицо Владимир Сысоев и принимает за чистые и благородные черты Екатерины Бакуниной.

Большим лицом-маской, личиной Северина прикрывается конкретный собиратель информации о пребывающем в Одессе Пушкине для царя — французский эмигрант на русской службе, управляющий 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел граф Иван Степанович Лаваль, в подчинении которого находится изображенный именно поэтому непосредственно под ним Сергей Иванович Тургенев. На Лавалья конкретно указывает буква «Л», в форме которой вырезан лацкан его дипломатического фрака.

ПРАВИЛО №8: профили подчиненных Пушкин всегда изображает под профилями их начальников.

В целом же более подробно разбирать эту сюиту — читать в линиях рисунков фамилии персонажей, сопоставлять профили с прижизненными портретами их прототипов и так далее — в данной работе не имеет смысла. Осталось разве что уди-

виться тому, что Владимир Иванович Сысоев полностью игнорирует пушкинскую подсказку у интересующего нас сейчас профиля Северина. Совершенно незамеченной им осталась достаточно типичная пушкинская шифровка — вписанные печатными буквами в утолщения линий ото лба до уголка губ профиля имя его владельца: «**Дмитрий**». И, конечно же, скорописно начатая линией волос и продолженная печатными буквами в утолщениях линий глаза фамилия: «**Северинъ**».

ПРАВИЛО №9: текст в пушкинских рисунках приводится, понятно, в орфографии его времени — с непривычными нашему взгляду славянскими буквами «ѣ», «і», а также «ъ» в конце твердо заканчивающегося слова. Правописание слов с этими буквами с неизбежностью придется изучить и усвоить.

Частичные имя и фамилия как бы заочно присутствующего здесь высокого начальника Дмитрия Северина читаются так же просто в его расположенном над северинским частичном же, естественно, профиле: от вертикально (над бровью) стоящей буквы «**К**» — по линиям глаза «**арль**». Сама бровь — часть фамилии «**Несс[ельроде]**».

Присутствует в этой сюите, кстати, и сам тайный заказчик информации о Пушкине. Всю когорту изображенных на этом листе персонажей предваряет находящийся в крайней левой позиции из-за лысины кажущийся особенно высоким заканчивающийся у переносицы буквой «**А**» и в целом очертаниями напоминающий римскую **единицу** лоб императора **Алексан-**

Фрагмент ПД 834, л.3